

Болеслав Веверн

6-я БАТАРЕЯ
1914–1917

Повесть о времени великого служения Родине
С предисловием проф. ген. Н. Н. ГОЛОВИНА

Современная интеллектуальная книга
Санкт-Петербург

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Шестая батарея» полковника Б. В. Веверна – книга исключительно интересная по своему содержанию и выдающаяся по своим достоинствам.

Перед читателем разворачивается необычайно живая и яркая картина с характерными деталями жизни и боевой деятельности батареи, которой командовал полковник Б. В. Веверн со дня ее формирования в июльские дни общей мобилизации в 1914 г. и по день ее тихой кончины в период всеобщего стихийного разложения русского фронта в 1917 году.

Такого полного описания бытовой стороны жизни, разнообразных положений в обстановке похода и боевой службы основной организационной артиллерийской единицы в нашей зарубежной военной литературе мы до сих пор не имели.

С редким даром изобразительности автор описывает мобилизацию, подготовку батареи к боевой работе,

высокий патриотический подъем мобилизованных и населения, выступление в поход, переезд по железной дороге, прибытие на фронт, первые впечатления от столкновения с боевой действительностью, первые бои на реке Висле и последующие, от Ивангорода к Перемышлю и далее, в Карпатах, тяжелый отход весной 1915 года, служба на Западном фронте и конечный развал батареи.

Справедливо учитывая, что боевая деятельность батареи протекает в тесном содружестве с другими родами войск, полковник Б. В. Веверн описывает боевую службу своей батареей в неразрывной связи со своими боевыми сотоварищами, отмечая не только исключительную доблесть отдельных войсковых частей и в особенности русского офицера, но и не скрывая случаев малой стойкости, ослабления духа, неудачных распоряжений начальства. На примерах живой действительности выявляется огромное значение нравственного элемента.

Психологическая основа всего повествования придает книге полковника Б. В. Веверна исключительную жизненность.

Непринужденная легкость изложения, красочность и во всем проступающая горячая любовь автора к своей батарее, к родной ему артиллерии и русской армии увлекают читателя.

Книга так написана, что всякий, не имеющий даже никакого отношения к военному делу, прочтет ее с глубоким интересом.

Н. Головин

ОТ АВТОРА

Когда, утомленный тяжелой работой, я возвращаюсь с завода на свой чердак, ложусь на кровать, закрываю глаза и предаюсь своим думам, картины далекого прошлого постепенно вырастают, как из тумана, в моем мозгу, и, забыв настоящее, я вновь живу прежнюю жизнь.

Я чувствую на плечах у себя золотые погоны, и радостное, волнующее чувство схватывает мою душу, несет ее навстречу бесчисленным колоннам пехоты, лесам колеблющихся сверкающих штыков. Я слышу топот копыт, я вижу столбы пыли, поднимаемые проходящими мимо меня эскадронами, и чувствую близость своих родных маленьких пушек.

Я пропускаю мимо себя упряжку за упряжкой и люблюсь как наяву своей стройной могучей батареей.

Картины быстро меняются: мои орудия уже ревут, выпуская снаряд за снарядом, с легким визгом проносятся они над моей головой, и я вижу дымки их разрывов.

Воют уже осколки германских снарядов, и со свистом пронизывают дымовую завесу ружейные пули.

Кровь бросается в голову и приливает к мозгу, сердце рвется вон из груди. Я вскакиваю на ноги, открываю глаза, и перед моим иступленным, взволнованным взором... мой бедный чердак и грязная синяя рабочая куртка.

Часть I

МОБИЛИЗАЦИЯ

Огненными, оранжево-красными полосами осветилось на востоке дальнее небо. Зашевелились, зашелетели листья на прибрежных деревьях, легкой сыростью потянуло с широкой глади Волги-реки, окутанной белым туманом своих испарений.

Сумрак ночи сильно редет: в нем уже прояснились тени обширного лагеря, растянувшегося вдоль небольшой быстрой речки, в этом месте впадающей в Волгу.

Правильными, ровными линиями рисуются ряды лошадей, двухскатных походных палаток, повозок с большими колесами, зарядных ящиков и коренастых, низких орудий.

Лагерь спит, и лишь из крайней палатки только что вылез босой чернобородый солдат и, приставив руку к глазам, взглянул на встающее солнце. Огляделся, продул блеснувшую медную трубу и, откинув назад свою голову, затрубил. Чистые мягкие звуки трубы покатались, поплыли, понеслись по реке, взвились кверху у высокого берега Волги и рассыпались в улицах большого древнего города, засверкавшего в первых лучах восходящего солнца вспыхнувшим золотом множества храмов.

Лагерь зашевелился, ожил, наполнился гамом людских голосов, конским ржанием, игрою застоявшихся за ночь коней, в нетерпении рвущихся на водопой. Ожил и город. Лихорадочной жизнью забилась его артерии-улицы.

Зашумел, заволновался в суете первых дней объявленной общей мобилизации старый город, носящий выступающее из тумана веков славное имя Великого князя, здесь, на слиянии двух рек, поразившего сильной рукой «зверя лютого», изображение которого и поныне украшает герб этого древнего города.

* * *

Я приближаюсь к лагерю. Только два дня тому назад я назначен командиром вновь формируемой шестой батареи. Хорошо это или плохо? Моя батарея, в которой я пробыл еще с юных лет почти всю свою службу, уходит в военный поход, а я остаюсь. Судьба... нахожу я ответ. Я стараюсь не думать об этом.

С легким ржанием, повернув головы, лошади роют копытами землю, следя с нетерпением за езовыми, раздающими сено. Одна сорвалась с коновязи, мечется по лагерю. Люди со всех сторон бегут, ловят ее.

У палаток всюду голубые дымки: чай кипятят, усевшись в кружки у костров, прибывшие по мобилизации солдаты.

Смирно...

Я слушаю рапорт дежурного фейерверкера, подходит фельдфебель:

– Разрешите доложить, ваше высокоблагородие, командующий бригадой скоро приедут на разбивку лошадей. Хорошие кони прошли вчера вечером. Нам в телефонные двуколки надо бы подобрать. Вон, серый стоит на отдельном колу, вот бы его нам.

– Как судьба.

В ожидании разбивки я обхожу кучки сидящих людей, попавших ко мне в батарею, и останавливаюсь

перед невзрачной, маленькой, жалкой фигуркой, заискивающе глядящей мне в глаза.

– Тебя как зовут?

– Логинов, ваше высокоблагородие.

– Что делал до призыва?

– Под лодкой лежал.

– Под лодкой? Где?

– Да здесь же, на Волге. Как здорово есть захочется, пойдешь на пристань, поработаешь, а затем опять под лодку.

– Ну а зимой же как?

– Зимой, ваше высокоблагородие, на казенную квартиру. Не даром же им стоять здесь, этим квартирам? Ну, нашему брату и способно: тепло, и кормят.

– А семья у тебя есть?

– Никак нет, семьи нету. Да и не годится, значит, ежели законной супруге на таких квартирах стоять.

– А водку пьешь?

– Так точно. Это можно, потому водка нашему брату кровь греет.

– Ну а в батарее же как? На войне водки не полагается.

– Ничего, ваше высокоблагородие, потерпим.

* * *

– Ваше высокоблагородие, командующий бригадой приехал. Вас просят на разбивку лошадей.

Передо мной стоит солидный, плотный фейерверкер с небольшой остроконечной черной бородкой.

Где я видел это лицо? Да, вспоминаю: окрашенный в розовую краску, чистенький, как игрушка, пароход общества «Самолет». Стол, покрытый белой скатертью

и уставленный винами и всевозможными закусками. За столом кутит шумная компания мужчин и нарядных дам. Громкий непринужденный разговор и смех людей, чувствующих под своими ногами твердую почву. Мы, офицеры, в углу блестящей паровой столовой, ковыряем вилками «стерлядку колечком» и по временам бросаем свои взгляды на шумливых веселых соседей.

– Господа купечество, – шепчет нам убирающей тарелки лакей. – Богатеющие, – тянет он уже нараспев, не будучи в силах дольше сдерживать свой восторг.

Так вот оно что. Вот почему и тут, в батарее, он как-то сразу по натуре своей сам поставил себя на привычное место хозяина, и люди безропотно исполняют его приказания.

– Как ваша фамилия? – На «ты» назвать его как-то неловко.

– Бушмакин, ваше высокоблагородие.

– Чем занимались до призыва?

– Купец-хлеботорговец.

– Я назначаю вас старшим в обозе.

– Понимаю, ваше высокоблагородие. Покорнейше благодарю, – добавил он, как бы смутившись.

* * *

– Господа командиры, кто желает получить этого зверя?

Командующий бригадой, вытянув руку, указал на громадного серого жеребца, привязанного к вбитому в землю колу. Жеребец плясал вокруг кола, поджимая под себя задние ноги, стараясь подняться на дыбки. Громадная грива частью свисла почти до земли, частью развевалась по ветру, придавая ему вид какого-то свирепого чудовища.

Командиры батарей по очереди отказались.

– Так значит, в шестую?

– Слушаю, господин полковник.

Лошади, вороные, серые, гнедые, всех мастей и отмастков, голодные, избитые, грязные, заполнили собой весь отведенный для бригадного формирования берег речки.

Вот они, наши безмолвные и покорные спутники и товарищи в грядущей боевой жизни, полной неизведанных еще нами ощущений, тревог, волнений и резких переходов в душевных настроениях: от упадка к воскресению духа. Не раз впоследствии приходилось нам поражаться тому тонкому чутью или инстинкту, которое проявляли наши лошади в тяжелые моменты нашей боевой обстановки. Они как будто понимали всю тяжесть положения данного момента и, не жалея своих сил и жизни, с удвоенной, утроенной энергией выручали нас из надвигающейся опасности. Теперь же здесь, на коновязи, они спокойно пережевывали свое сено, отдыхая после последних своих переживаний: сборных пунктов, этапов, тесных и душных вагонов, шума, крика, нахлестываний и голода. Мы же в это время вновь осматривали этих новых своих друзей, распределяли их по упряжкам и выносам, отбирали в боевую часть, в резерв, в обоз.

Каждое утро, посещая коновязь, обнаруживаю излишек в 10–15 лошадей. Откуда они берутся?

– Да кто их знает, ваше высокоблагородие? Тут ночью разве что разберешь? Бегают какие-то лошади, а чьи они, неизвестно. Ну наши ездовые и ловят их – утром виднее, лишь бы своих не упустить, а что чужие, так нам убытку нет – хозяева найдутся.

Логика моего фельдфебеля Д. Ф. Додельцева обезоруживала меня совершенно, и, отобрав излишек

что похуже, я отправлял их в ведение воинского начальника, предоставляя «хозяевам», то есть формирующимся паркам и обозам, искать их у него.

* * *

Чиж, Чижик, Чижонок, Шар, Шарик, Шарообразный, – все уже словари, все календари пересмотрели, а все еще не хватает кличек для прибывающих лошадей, которые должны получить имена на четыре буквы алфавита: Ц, Ч, Ш, Щ. В этом необходимом и очень трудном деле участвуют все офицеры, фельдфебель, писаря и даже каптенармусы.

– Ну что же? Еще только три клички осталось.

– Ширяй, – радостным голосом заявляет старший писарь Постников.

– Шикай.

– А что такое Шикай?

– Не могу знать.

– Ладно. Еще одно последнее сказание?

– Шамлет, – заканчивает этот острый вопрос фельдфебель Додельцев.

– Кончено: Шамлет. Конь Шамлет.

* * *

Люди и лошади... В данный момент нет ни людей, ни лошадей: есть личный и конский составы. И я сам тоже не человек: я командир батареи. Я должен отбросить все человеческие чувства, волнующие мой мозг и мою душу. Забыть все, чем я жил, к чему стремился, что меня огорчало и что меня радовало. Надвинулся «Великий вопрос», в котором я лишь незначительная частица

громадного, сложного механизма, и как таковая жизнь моя должна быть тоже только механической, направленной исключительно к выполнению одной главной цели. И я стараюсь быть тем, кем я должен быть, напрягаю к этому всю свою волю, и тем не менее мне плохо это удается: жизнь реальная, человеческая, прошлая и настоящая, вырывается наружу и разрушает мою работу над собой. Я не могу никак видеть в людях своей батареи лишь фейерверкеров, оружейных номеров и ездовых: сквозь эти официальные звания в каждом из них сквозит человек, со всеми своими человеческими чувствами и стремлениями.

Свыше двухсот человеческих жизней вручается мне, в мое личное распоряжение, в этот тяжелый исторический момент и я как начальник «несу за них определенную законом ответственность». Это по уставу.

Что означают эти слова устава? Означают ли они, что я несу ответственность и за жизнь своих солдат? В уставе об этом нет разъяснения. В уме же и в душе моей на этот вопрос ответ готов, и, как бы я в будущем ни старался себя оправдать, я знаю, что ответственность громадная лежит на мне, не только перед ними самими и их семьями, но и перед моей собственной совестью. И эта ответственность на мне лежит не только за жизнь их, но даже и за каждую пролитую даром каплю их крови. Смогу ли я, хватит ли у меня ума, энергии, решимости и знаний сберечь эту кровь и не лить ее попусту, по собственному несовершенству или кому-нибудь в угоду.

Итак, личный состав 6-я батарея получила, почти полностью, из запаса армии. Отличнейший личный состав: из лесов муромских, костромских, «керженецких» лесов, с Волги, Шексны, Клязьмы-реки, оттуда, где слагались

песни былинные богатырские, прибыли эти люди, потому что былинных русских богатырей, сметливые, грамотные, крупные и сильные. Почти половина из них придерживалась «древнего благочестия» и старых, веками созданных обычаев, степенных, крепких, как степенны и крепки были и телом, и духом и сами эти люди. Непоколебимая вера в Бога, в Судьбу, начерченную Божественным Промыслом, без воли которого ни один волос не упадет с головы, эти 30–40-летние богатыри шли на войну, спокойные, уверенные, покорные. Ни ругани, ни пьянства, ни драк, и как-то так уж вышло само собой, что вторая половина солдат батареи, как бы подавленная нравственным превосходством этих староверов, подчинилась почти во всем их жизненному укладу и слилась с ними в одну крепкую, дружную семью.

* * *

В конце июля кадровые части выступили на фронт и таким образом освободили для нас, вновь формирующихся, свои казармы. Это сильно облегчило наше положение, но совершенно неожиданно появилось новое крупное затруднение: бабы.

В казармы перебрались к вечеру. Захожу. Команда: «Встать, смирно!» Ничего не понимаю: базар, табор цыганский какой-то – солдаты, бабы, ребятишки...

Мой молодой фельдфебель Додельцев почти плачет:

– Ничего не могу поделать, ваше высокоблагородие, все сродственники: жены, матери, сестры, – и все с ребятами. Ни расчета произвести, ни поверки. А разве бабу выгонишь? Да и старики наши обижаются: последние ведь денечки вместе. Ну, значит, каждая со своим хозяйством. Тут и ребят качают, и белье стирают. А чуть

что, так она прямо в рожу тебе лезет. И уж больно много, разрешите доложить, ваше высокоблагородие, хлеба идет. Потому с тремя фунтами в сутки на человека теперь не обойдешься никак. Баба что? Известно: хоть ты ей толкуй, хоть не толкуй, а только одно – мужей, наших кормильцев, забрали, а нам и ребятам хлеба жалеют. Да крест на тебе есть ли?

Действительно, ничего не поделаешь: приказал давать понемногу хлеб и бабам.

– Спасибо, кормилец, спасибо, родной. Дай тебе Бог за это много лет здравствовать, и деткам твоим тоже, если они у тебя имеются. А ты, значит, командир будешь? Так вот, уж наших муженьков побереги. Не лезь больно шибко на немца. Немец ведь злющий, сказывают. И послал же нам Господь такое за грехи наши тяжкие... – И пошли на разные голоса причитать, каждая свое. Пришлось отступать, только напоследок спросил:

– Ну а спать-то как будут?

– Да там уж сами разберутся, ваше высокоблагородие, кто, где и с кем. Ничего – свои. Из-за баб не переделутся, не извольте беспокоиться, – заключил несколько повеселевший фельдфебель.

* * *

– А с амуницией как же будем, ваше высокоблагородие? – продолжает он, совершенно уже успокоившись. – Всю перебрали, что бросила, уходя в поход, шестая кадровая батарея. Рвань одна. Уж мы с каптенармусом Малининым выбирали-выбирали... Всех шорников, всех сапожников засадили за починку. И как мы будем, ежели заведующий хозяйством в Москве ничего не найдет, не приложу и ума.

Да, этот вопрос волнует очень сильно и меня самого. Пушки, передки, зарядные ящики имеются полностью, люди и лошади тоже, а запрячь батарею все-таки нельзя: нет конской амуниции. Наше Артиллерийское ведомство не удосужилось заполнить этот пробел с 1910 года и теперь, ассигновав спешно только деньги, расхлебывать это дело предоставило всецело нам самим.

– Ничего, ваше высокоблагородие, – успокаивает меня каптенармус Малинин, доверенный мануфактурной фирмы «Привалов и сын», – в Москве чего только нет. Поручик К. добудет.

– Эх, Василий Иванович, ведь это же не ваша мануфактура, которой хоть Волгу завалить можно. Идите-ка лучше домой, супруга-то ваша давно заждалась вас с обедом.

– Сейчас, ваше высокоблагородие, вот только повозки надо еще осмотреть. – И Малинин погружается снова в работу, затягивая ее до позднего вечера.

Дня через два купленная заведывающим хозяйством батареи поручиком К. в Москве амуниция прибыла, но, конечно, далеко не полностью и, кое-как соединенная с подправленной старой, брошенной ушедшей на фронт кадровой шестой батареей, была пригнана на лошадей.

Итак, шестая батарея запряжена.

* * *

Взводные командиры на своих взводах, орудийные фейерверкеры у своих орудий, ездовые на местах.

– Шагом мар-ш!..

Батарея ни с места: рвутся без толку и волнуются лошади в непривычной для них новой упряжке. Ездовые, почти все никогда не ездившие в орудиях, лезут вон

из кожи, и все-таки ничего не выходит. На ровном месте не могут взять лошади.

– Ездовые, слезай! Выпрягай!

– Ну, Тимофей Максимович, как нам дальше быть с этим делом?

– Времени еще много у нас, ваше высокоблагородие, все постепенно наладится.

Т. М. Галуцук, подпрапорщик, назначенный в шестую батарею на офицерскую должность, красивый двадцативосьмилетний брюнет. Я знаю его упрямую хохляцкую натуру, а потому пользуюсь случаем, чтобы его еще подзадорить.

– Вы уверены в этом?

– Так точно, ваше высокоблагородие.

– Ну хорошо, тогда я всецело поручаю вам это дело.

* * *

– Ваше высокоблагородие, разрешите моему сыну хоть один день побыть со мною.

Я оборачиваюсь: на меня смотрит нерешительно грустными слезящимися глазами старый еврей с длинной седой бородой. В руках мнет шапку.

– Я нарочно приехал из Могилева, чтобы проститься с сыном.

– Как фамилия вашего сына?

– Расницов.

– Кузнец? Конечно, разрешаю.

Мы направляемся к кузнице, где идет спешная перековка лошадей. Молодой Геркулес, кузнец Расницов, весь красный от жара, идущего от горна и от усиленной работы, даже не поднял глаз на своего отца.

– Расницов, оставь работу, иди с отцом.

– Не время, ваше высокоблагородие, я не пойду.

А за стеной, по плотно убитой земле открытого манежа, стучат копыта лошадей и слышится уже голос подпрапорщика Галуцука:

– Да не тяни ее, черт!.. Не затягивай!.. Отпусти повод!..

Старый еврей молящими глазами взглянул на меня. Я пожал плечами и вышел.

* * *

– Два патрона, беглый огонь!.. – несется по всему казарменному двору громовой голос старшего офицера поручика Яковлева.

Слышится щелканье курков орудий и лязг металла оружейных замков. Восемь орудий, вытянутых в одну линию, окружены суеющей орудийной прислугой.

– Смирно!..

– Ну, как идет дело?

– Слабо пока, господин капитан: главное препятствие в том, что люди никак не могут освоиться с действительной простотой работы при орудиях. Ведь в большинстве они этих орудий не видели, и им кажется, что непременно тут должно быть все очень трудным. В особенности их пугает панорама*: такой сложный прибор, и так проста и легка с ним работа.

– Ваше высокоблагородие, – прибежал, запыхавшись, дежурный по батарее фейерверкер, – там какой-то полковник вас спрашивает. Вот они сами идут сюда.

– Вы командир батареи?

– Так точно, господин полковник.

* Оптическая часть прицела.

– Я прибыл из Петербурга для проверки знаний призванных из запаса армии офицеров. У вас сколько таких?

– Два прапорщика, господин полковник. Только не стоит вам беспокоиться: оба они ровно ничего не знают. Один, прапорщик Никольский, обучал географии девиц в одной из московских гимназий, а другой, прапорщик Вырубов, посвятил себя всецело искусству – занят театром. Если они и знали что-либо, в чем я не сомневаюсь, то к настоящему моменту успели все основательно забыть. Необходимо некоторое время для того, чтобы они могли все это вспомнить, а также усвоить и то, чего они раньше совсем не знали.

– У вас, кажется, идут занятия при орудиях.

– Так точно, господин полковник.

– Хорошо, продолжайте: я хочу посмотреть, как они у вас производятся.

– Сорок, трубка сорок!.. – опять загрела команда поручика Яковлева.

– Вольт налево... Убирай построшки... – доносится с манежа охрипший голос подпрапорщика Галуцука.

* * *

На казарменный двор вваливается последняя партия прибывших на пополнение людей. Мужчины, женщины, дети.

С котомками за плечами, в руках узелки, из которых торчат углы пирогов, караван белого хлеба и другая деревенская снедь – «гостинцы», в обилии заготовленные в дорогу уходящим на фронт, близким бабьему сердцу мужьям, сыновьям и братьям.

В прибывшей партии больше всего баб. Пестрыми яркими красками своих одеяний придают они особый,

художественный колорит всей прибывшей группе. Бабы одеты по-праздничному – принарядились. Между нами царит полная тишина. Испуганными, недоверчивыми глазами смотрят они на нас, офицеров, от которых зависит судьба их близких.

В первую батарею, вторую, третью – отмечает мелом на груди прибывших запасных солдат командующий бригадой.

– Дозвольте, ваше высокоблагородие, мне в пятую. Там у меня сродственник служит, в пятой батарее. Вместе, значит...

– Хорошо, иди в пятую.

– А мне, ваше высокоблагородие, дозвольте в третью, так что на действительной я в третьей служил, так что и теперь в третью охота.

– Иди в третью.

В четвертую, пятую, шестую – продолжает отмечать командующий бригадой, подходя уже к концу выстроенных в шеренгу запасных.

Разбивка окончена. Пестрая толпа засуетилась, заговорили бабы, опять котомки взвалены на плечи, и новая волна вновь прибывших вливается в казарменную жизнь, в настоящее время такую шумливую, необычайную.

Быстро проходит время, не замечаешь его. Находясь в батарее от зари до зари, с радостью наблюдаешь, как из толпы прибывших мужиков и всклокоченных, худых, голодных лошадей постепенно формируется и вырастает мощная, стройная воинская часть. Это уже не мужики, неповоротливые, медлительные,двигающиеся в развалку. Это уже настоящие солдаты, проворные, подтянутые, вежливые. У лошадей – шерсть уже блестит, углы скруглились, гривы подщипаны, хвосты выровнены, лошади подобраны по выносам и по упряжкам.

Прапорщика Вырубова приказано откомандировать в штаб округа.

На его место прибыл молодой, веселый прапорщик Соколовский.

* * *

Середина августа. Гудит с высокой соборной колокольни медный звон колоколов. Гудит, сзывает, возвещает жителям о торжестве, происходящем на Соборной площади, когда старый город благословляет сынов своих на бранный подвиг во имя единой, бескорыстной любви к великой Родине.

– На молитву, шапки долой!..

Из широко открытых врат древнего храма вышел крестный ход.

Ослепительным золотом сверкают ризы священнослужителей, полотнища священных хоругвей, кресты, купола старого храма и льющиеся сверху, с голубого неба потоки солнечных лучей, играющих переливчатым светом в лесу склоненных штыков.

Все ближе и ближе подвигается крестный ход к стройным колоннам. Благословляющая рука окрапливает ряды святою водою. Люди крестятся, лица их серьезны, слова молитвы шепчут уста.

Уходят все, да всем ли суждено вернуться, увидеть еще раз на этом же месте сверкающее золото куполов, риз, солнечного света?

Крестный ход прошел и скрылся во вратах храма.

– К церемониальному маршу...

Сверкнули штыки, стальной колоссальной щеткой заколебались в воздухе, двинулись плотной стеной под бодрящие, стройные звуки медных труб, под крики

«ура» громадной толпой народа, окружившего площадь. Последний парад.

Батарея запряжена. Перед фронтом ее на столике стоит раскрытая икона – складень Смоленской Божьей Матери, подарок-благословение ушедшей уже в поход матери шестой кадровой батарее своей дочери, вновь сформированной шестой батарее.

– На молитву, шапки долой...

Последний взгляд на родной казарменный двор, на опустевшие конюшни, на опустевшие казармы: у ворот во дворе толпа провожающих баб, у ворот на улице праздная толпа любопытных.

– Справа поорудийно...

Длинная вереница орудий, зарядных ящичков и повозок постепенно вытягивается по улице.

Я смотрю на своих людей и вижу на их лицах какое-то особое, торжественное выражение: видно, что у всех над всеми думами царствует одна общая мысль: военный поход шестой батарее начинается.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА